

Одесские городские пространства в литературе: «потемкинские дни» у Кармена, Жаботинского и Чуковского

Татьяна Александровна Яковлева

(Регенсбургский университет, Регенсбург, Германия)

Аспирант, ORCID ID: 0000-0001-6346-1793, научный сотрудник,
Регенсбургский университет, ул. Университетская 31, 93053
Регенсбург, Германия, тел.+49-941-943-1665, E-mail: tetyana.
yakovleva@ur.de

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.2.1

Аннотация: В революционный 1905 год Одесса в условиях социальных, религиозных и культурных изменений стала своего рода пространством насилия. В это время здесь особенно часто проходили забастовки, наблюдалась эскалация революционного настроения, после прибытия броненосца «Князь Потемкин-Таврический» («Потемкин») в ночь с 14 на 15 июня случился пожар в порту. Прибытие восставшего броненосца стало знаменательным событием не только для Одессы и русской революции, но и для истории евреев начала XX в. Это был первый вооруженный мятеж в ходе революции, он взволновал город и вызвал изменения социальных, географических и символических городских пространств. «Потемкинские дни» вошли в историю города Одессы главным образом через периодические издания того времени, а также через русско-еврейскую литературу: рассказ Лазаря Кармена «Потемкинские дни» (1907), очерк Корнея Чуковского «1905, июнь» (1958) и роман Владимира Жаботинского «Пятеро» (1936). Эти произведения изображают не только массовое насилие этих дней, но и его семиотические и социальные пространства в городе. До сих пор эта тема не рассматривалась ни в каких исторических, культурологических и литературоведческих исследованиях. Основное внимание в этой статье уделяется анализу географических, социальных и символических городских пространств в Одессе с помощью теорий о пространстве

Ю.М. Лотмана и Мишеля де Серто. Оба исследователя работают с понятиями города, места и пространства, которые важны для избранных литературных произведений об Одессе 1905 г. Анализ покажет не только амбивалентность, мобильность и изменчивость городских пространств, но и судьбы евреев в Одессе и перспективы исторических процессов для них — ассимиляцию или эмиграцию.

Ключевые слова: *евреи, Одесса 1905, потемкинские дни*

Введение

В начале XX в. Одесса пользовалась репутацией Южной Пальмиры Российской империи и одного из еврейских культурных центров Восточной Европы. Многонациональное население Одессы [Яковлев 1889, 9–18; Jabotinsky 1966, 398] наделило город космополитическим характером, но самое сильное влияние на город оказали евреи, составлявшие одну десятую населения к концу XVIII в. и одну треть к началу XX в. [Яковлев 1889, 39; Zipperstein 1985, 35–36; Samojlov 1998, 91]. Хотя русский элемент не играл первенствующей роли в Одессе, русский язык был признан доминирующим среди ее населения [Яковлев 1889, 9] и следовательно среди еврейских интеллектуалов. Работы авторов еврейского происхождения, писавших на русском языке в Одессе, относят к так называемой русско-еврейской литературе, которая зарождается в XIX в. вместе с появлением русско-еврейского еженедельного журнала «Рассвет», издававшегося Осипом Рабиновичем в 1860–1861 гг. Концепция этой литературы одним из первых была изложена русским литературоведом В.Л. Львовым-Рогачевским в 1922 г. [Львов-Рогачевский 1922, 33–34], а в 2008 г. проанализирована венгерским литературоведом Жужой Хетеньи в монографии «В водовороте: история русско-еврейской прозы, 1860–1940» [Hetényi 2008, 1–20]. Свое место в русско-еврейской литературе заняло и описание «потемкинских дней».

Прибытие в одесский порт броненосца «Князь Потемкин-Таврический» в ночь с 14 на 15 июня 1905 г. стало знамена-

тельным событием как для истории Одессы и российской революции, так и для еврейского населения. Мятеж на броненосце стал первым в ходе российской революции вооруженным восстанием, которое взволновало Одессу и вызвало изменение ее социальных, географических и символических городских пространств. Развитие этих событий повлияло и на еврейский погром в октябре 1905 г., так как евреев обвиняли в разжигании забастовок рабочих и в инициировании вандализма в порту во время «потемкинских дней» [Одесские новости 1905, 6].

О «потемкинских днях» известно главным образом по периодическим изданиям того времени — ежедневным газетам «Одесские новости» и «Одесский листок». Это событие было также освещено в русско-еврейской литературе, например: в рассказе Лазаря Кармена «Потемкинские дни» (1907), в романе Владимира Жаботинского «Пятеро» (1936) и в очерке Корнея Чуковского «1905, июнь» (1958). Эти произведения изображают не только вышеупомянутые события, но и городские настроения и городские пространства в этот период в Одессе. Сравнительный анализ городских пространств — географических, социальных, символических — в трех произведениях русско-еврейской прозы XX в. является целью этой статьи.

Литературные городские пространства

Междисциплинарный подход к литературному анализу пространства нашел отражение в геокритике, которая начала оформляться как направление в начале XXI в. Геокритика объединяет литературоведение, географию, архитектуру, социологию, антропологию и сосредоточена на репрезентациях города [Westphal 2011, XIV]. Город как своего рода гетерогенный текст со своим языком рассматривал еще в 1984 г. филолог В.Н. Топоров на примере Петербурга [Топоров 2003, 22]. Теоретической базой для данного анализа служит концепция культуролога Ю.М. Лотмана, который рассматривает город как пространство в системе символов. Его теория о семиосфере поможет проанализировать город как текст и выявить

символические городские пространства с границами своего и чужого, верха и низа, центра и периферии. Пространство внутри каждой границы считается «нашим», «своим», «безопасным», которое противопоставляется «их-пространству», «чужому» и «враждебному» [Лотман 2010, 257].

Вспомогательным теоретическим источником для сравнительного анализа городских пространств Одессы во время «потемкинских дней» послужит работа французского социолога Мишеля де Серто «Изобретение повседневности», в которой выделены два разных аспекта анализа города и его пространства. Первый аспект — это перспектива наблюдателя, взгляд на подконтрольное пространство с высоты птичьего полета. Второй аспект реализуется через прохожих, вышагивающих свои маршруты в этом пространстве. Кроме того, для де Серто является важным разделение понятий места и пространства. Место представляет собой порядок неподвижных элементов, каждый из которых рассматривается рядом с другим в своей отдельной сфере. Пространство представляет собой сеть подвижных элементов, не имеющих какой-то определенной собственной сферы [De Certeau 2006, 345]. Например, городская улица как географическое место превращается для наблюдателя со стороны в пространство благодаря прохожим, которые ее пересекают. Точно так же литературный текст как зафиксированная знаковая система может при чтении становиться пространством. Каждое повествование может трансформировать места в пространства и пространства в места.

Выявление и анализ городских пространств Одессы в июне 1905 г. является важным не только для установления амбивалентности событий этого периода, но и для понимания дальнейшего исторического развития города и его еврейского населения.

Одесские городские пространства

В 1901 г. Лазарь Кармен, Владимир Жаботинский и Корней Чуковский образуют своеобразный литературный триумvirат, это период их журналистской работы в газете «Одесские

новости» [Жаботинский 1989, 35–36; Иванова 2007, 219–220]. Несмотря на то, что все трое начинают литературную карьеру в Одессе, впоследствии судьбы и самих авторов, и их произведений сложатся по-разному. Каждый по-своему увековечивает так называемые «потемкинские дни» 1905 г. в своих работах. Кармен описывает настроение в порту в коротком рассказе «Потемкинские дни», который был опубликован в 1907 г. в Санкт-Петербурге сразу же после событий (то есть еще в Российской империи). Жаботинский описывает «потемкинские дни» спустя тридцать лет, уже в эмиграции, в романе «Пятеро», который впервые издавался по главам в 1932–1934 гг. в парижском еженедельнике «Рассвет». Чуковский выбрал жанр очерка, чтобы изобразить личные впечатления и подчеркнуть фактографическое значение этих исторических событий. Его очерк «1905, июнь» вышел в свет в Советском Союзе лишь в 1958 г. (то есть после смерти Сталина) в сборнике «Из воспоминаний».

«Потемкинские дни» (1907) Лазаря Кармена

Лазарь Кармен (Лазарь Коренман) родился в 1876 г. в Одессе и умер там же в 1920 г. С шестнадцати-семнадцати лет он публиковал свои стихи и статьи в собственных журналах «Эхо Одессы» и «Ракета», и в начале XX в. Кармен был уже известным в Одессе журналистом и писателем. До 1903 г. он вел собственную рубрику «На дне Одессы» в газете «Одесские новости» [Иванова 236]. В этих материалах он рассказывал в стиле социального реализма о босяках, портовых рабочих, одесских уличных детях и бедняках, за что его называли «одесским Горьким».

Рассказ Кармена «Потемкинские дни: Разгром "Старого порта"» (1907) повествует о пожаре в старом порту Одессы в июне 1905 г. после прибытия в порт броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Рассказ ведется от третьего лица. Это лицо не является персонажем рассказа и не принимает участие в самом действии. Этот рассказчик раскрывает не только внутренний мир главного героя Крысы, но и показывает предысторию портовой жизни в нескольких нехронологиче-

ски выстроенных воспоминаниях. Крыса является типичным представителем старого порта — «дикарем», то есть портовым однодневным грузчиком, который привык ночевать в «ховире» (портовой ночлежке) вместе с еще тридцатью такими же босяками на одном матрасе, питаться дохлятиной в «обжорке» (портовой столовой) и по десять-пятнадцать лет не мыться в бане, а сушить одежду от «бекасов» и «штифтов» (паразитов) над паром газового завода [Кармен 1907, 12–13].

Порт, который населяют представители маргинальных классов общества, расположен за центром (на периферии) и отделен от одной из центральных улиц города — Николаевского бульвара — высоким обрывом. Обрыв как пограничная линия между центром и периферией указывает на социальное разделение города на «верх» и «низ». Порт является для старого портового рабочего Крысы безопасным и знакомым местом. Он провел в порту последние тридцать лет и никогда за это время не был в городе: «Порт был его логовищем в течение 30 лет, и в этом логовище он чувствовал себя великолепно, как истый "дикарь", представитель славной "золотой роты". Он не променял бы его на лучший замок в Швейцарии или Шотландии» [Кармен 1907, 11]. Свое пространство порта противопоставляется центру города, который парадоксально считается чужим и опасным из-за чистоты и порядка. Здесь Крыса чувствует себя как рыба, выброшенная на берег [Кармен 1907, 13].

История начинается с разрушения старого одесского порта 15 июня 1905 г. Накануне на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» экипаж поднимает мятеж, в одесский порт он прибывает для пополнения запасов угля, воды и продовольствия. Утром этого дня мертвый моряк с броненосца доставлен на Новый мол, и люди со всего города собираются в порту, чтобы посмотреть на него и на то, какие действия предпримет дальше команда мятежного броненосца. С этого момента порт, бывший до того географической и социальной периферией города, превращается в центр важных исторических событий.

Правительство и высшие классы общества опасаются бомбежки с броненосца и остаются в центральной части города

над обрывом, на Николаевском бульваре. Крыса наблюдает, как представители низших классов, чувствуя дух свободы и вседозволенности, начинают громить и поджигать склады и суда в порту: «То, что произошло на его глазах, — вся эта вакханалия, весь этот разгром, грабеж и поджоги представлялись ему диким, преступным, непоправимым» [Кармен 1907, 11]. Люди в порту разрушают все, опьянев от дорогих алкогольных напитков с разгромленных складов. Чтобы остановить произвол и разрушение, солдаты и казаки окружают порт, не позволяя никому входить и выходить, и начинают стрелять в людей под обрывом: «Толпа протрезвилась; запертая в порту солдатами, она металась из стороны в сторону, как испуганное стадо. Она искала защиту от пулеметов, которые осыпали ее непрерывным свинцовым дождем» [Кармен 1907, 7].

В отличие от многих портовых рабочих, Крыса не участвует в разгроме, он жалеет старый порт. Его безопасный старый порт становится опасным местом: «Он хотел спрятаться, уйти подальше от этих стальных игл и пуль, которые теперь, как мухи, носились в воздухе — наверху пустили в ход пулеметы — и равнодушно падали в густую толпу, в море народу, поражая и правого и виноватого, кого попало — женщин, стариков, детей» [Кармен 1907, 4–5]. Читатель вместе с Крысой становится свидетелем ужасного насилия и отчаяния. Крыса чувствует себя «как мышь в горящей мышеловке» [Кармен 1907, 7].

В этот момент верхняя часть города над обрывом превращается в пространство контроля. Люди над обрывом являются наблюдателями, которым открывается вид с высоты птичьего полета. Они символически отстраняются и отделяются от событий внизу, смотря на происходящее не просто сверху, но и со стороны, не участвуя в нем. Люди над обрывом в центре города противопоставлены людям в порту, находящимся в подчиненном пространстве.

Пространства выше и ниже обрыва в «Потемкинских днях» зиждутся на социальном неравенстве. Кармен использует Крысу для того, чтобы показать события в перспективе представителей маргинальных слоев, периферии города, и

для того, чтобы обозначить их привязанность к старому политическому порядку. Но рассказчик Кармена верит в лучшие изменения в будущем и в реконструкцию старого порта уже на основе нового социального порядка.

«Пятеро» (1936) Владимира Жаботинского

Владимир Жаботинский родился в 1880 г. в Одессе и умер в 1940 г. в Нью-Йорке. С семнадцати лет он начал работать в качестве внештатного журналиста «Одесских новостей» в Риме и Берне. После еврейского погрома в Кишиневе 1903 г. Жаботинский стал сионистом и после Первой мировой войны эмигрировал из России.

В романе «Пятеро» (1936) Жаботинский изображает историю еврейской русскоязычной семьи Мильгром в Одессе в начале XX в. Рассказ ведется от первого лица, которое является к пяти детям семьи (Маруся, Марко, Лика, Сережа, Торик). Все они предстают молодыми людьми в начале романа, а в конце умирают физически или символически. Роман затрагивает не только исторические события в Одессе в начале XX в., но и отражает настроение города и его культурные преобразования. Основные темы и черты главных персонажей романа уже были использованы Жаботинским в его ранних работах. Так, например, тема «потемкинских дней» и участия евреев в революции описывается в статье «Еврейская крамола» (1906) [Жаботинский 2013, 8–14], черты Маруси просматриваются в образе Лидочки из фельетона к «Одесским новостям» 1901 г. [Жаботинский 2008, 686–689] и в образе Нинки из пьесы «Чужбина» (1907–1908) [Жаботинский 1922, 20, 184–185], портрет Сережи распознается в образе студента Сергея из пьесы «Ладно» (1901) [Левитина 1991, 252] и в образе Яшки из пьесы «Чужбина» [Жаботинский 1922, 96]. Пьеса «Чужбина», которая так и не была поставлена, но была опубликована в 1922 в Берлине, послужила основой для романа «Пятеро». Однако в пьесе город не показывается, он лишь предполагается, тогда как в романе Одесса играет одну важную роль.

В одном из воспоминаний рассказчик воздает хвалу «Соборной площади, где кончалась Дерибасовская и начинался другой, собственно, мир, с иным направлением улиц, уже со смутным привкусом недалеких оттуда предместий бедноты — Молдаванки, Слободки-Романовки, Пересыпи, — слово здесь два города встретились и, не сливаясь, только внешне сомкнулись» [Жаботинский 2010, 57]. Он, как и рассказчик Кармена, делит город на два социальных пространства: богатых и бедных. В этом произведении читатель видит Одессу с точки зрения журналиста, который живет в центре города и наблюдает за событиями после прибытия броненосца из центральной, а не периферийной части города.

«Потемкинские дни» очень важны для структуры романа, потому что с этих событий начинается «черное поветрие» [Жаботинский 2010, 105] вокруг семьи Мильгром. Таким образом, события тех дней разделяют роман на две метафорические сферы: сферу снов, молодости и жизни и сферу упадка, конца и смерти. Ночь разрушения старого порта рассказчик наблюдает со скалы со своими друзьями: «Толпы таких же зрителей сидели всюду вдоль обрыва или на скате среди кустов и сдержанно переговаривались. Ночь была горячая и темная; глубоко под нами, в порту, как обычно, все фонари на молах и на судах, дрожа отражениями, а далеко в заливе, на версту и больше, одиночкой светилась неподвижная группа огней, и люди на нее молча указывали заново приходящим: броненосец» [Жаботинский 2010, 106]. Для рассказчика порт является чужой сферой, а центр города — своей. Он — наблюдатель и отстранен от событий внизу. Высшее общество видит начинающийся пожар и слышит «первые стаккато пальбы» [Жаботинский 2010, 108] после поджога портовых складов.

Революция, обещавшая наступление «мессианских времен», отменяющих всякие национальные различия, быстро превращается сперва в погром порта, а в октябре 1905 г. — в еврейский погром. Эти трагические события заставляют главную героиню романа еврейскую девушку Марусю Мильгром порвать со своим русским возлюбленным Алешей Рунциком, который для семьи Мильгром был «инородцем» [Жаботинский 2010, 49]. Во время «потемкинских дней» его

чужая натура стала ясна и рассказчику: «Странно: порта жаль было и нам, и жаль огромного дня, который не по-великому как-то складывался: но мы все вдруг почувствовали в эту жаркую ночь, как потянуло к нам от Руницкого холодом» [Жаботинский 2010, 107].

Поскольку граница одновременно и разделяет, и соединяет, то есть она амбивалентна [Лотман 2010, 262], можно сказать, что нижнее периферийное городское пространство вседозволенности и хаотичности распространяется через границу обрыва на верхнее центральное пространство города, которое ему подконтрольно: «... теперь уже не только то "можно", что было накануне, но и многое такое, чего прежде никогда нельзя было» [Жаботинский 2010, 107]. В дополнение к изменению атмосферы между чужим Руницким и своими, евреями, рассказчик чувствует распространение духа вседозволенности, когда Сережа Мильгром нарушает этические границы и одновременно обнимает своих возлюбленных Ньюту и Ньюру — мать и дочь.

Однако главное размежевание городского пространства в романе происходит по линии «свой — чужие». До «потемкинских дней» это деление касается социальных слоев населения, а впоследствии — и этнических групп. Перспектива повествования сосредоточена на прошлом Одессы, в которой еврейское население из-за русификации и погромов не имело будущего.

«1905, июнь» (1958) Корнея Чуковского

Корней Чуковский (Николай Корнейчуков) родился в 1882 г. в Санкт-Петербурге, вырос в Одессе и умер в 1969 г. в Москве. Свою литературную карьеру он начал с работы в газете «Одесские новости» благодаря дружбе с Владимиром Жаботинским. Свои статьи, стихи и переводы Корнейчуков подписывал псевдонимом «Корней Чуковский», ставшим его именем и фамилией после революции 1917 г. и принесшим ему популярность прежде всего как детскому писателю.

В центре очерка «1905, июнь» (1958) находится тот же день, что и в предыдущих произведениях. В этот день одесское

население узнает о прибытии революционного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» в порт Одессы. Очерк как литературный жанр предполагает использование фактов и поэтому представляет интерес для нашего анализа как текст, находящийся на границе между фактическим повествованием (таким, как газетные новости) и вымышленным (таким, как роман или рассказ). Рассказчиком является альтер эго Чуковского — журналист петербургского журнала. Он не только наблюдает за событиями, но и участвует в них. События предстают в хронологическом порядке. Изображая прибытие в порт броненосца, рассказчик раскрывает и социальное разделение города на «верхнюю» и «нижнюю» Одессу.

Рассказчик появляется в центральной части города и идет через Пушкинскую к памятнику дюку де Ришелье — первому градоначальнику Одессы (1803). Рассказчик, таким образом, приходит из центра и связан с «верхним» слоем общества и города. Памятник расположен на площадке с видом на море и порт, где стоит броненосец, ночью прибывший из Севастополя. Уже здесь рассказчик замечает две группы зрителей: «Между тем толпа понемногу меняется. Конечно, в ней и сейчас есть немало людей, восторженно встретивших весть о "Потемкине" и глядящих на него с восхищением. Но все чаще прибывают отовсюду запоздалые обитатели центральных кварталов <...>. Они многозначительно молчат, лишь изредка перекидываясь негромкими фразами, очевидно о пушках, которые непременно "бабахнут" по их магазинам, конторам и складам» [Чуковский 1965, 678].

Это разделение людей на тех, кто рад броненосцу, и тех, кто его опасается, становится яснее, когда рассказчик спускается по лестнице (официально переименованной в Потемкинскую в 1955 г.) в порт [Gauß 2009, 191]. Там он видит процессию из Пересыпи — периферии Одессы, где живут грузчики, машинисты, кочегары, фабричные и портовые рабочие со своими семьями. Рассказчик удивлен превращению этих людей, у которых обычно черные руки и оборванные одежды. Сегодня они торжественны: «Вообще это другая Одесса, нисколько не похожая на ту, которую я видел вверху, возле "дюка". Эта "нижняя" Одесса ликует. Для нее восстав-

ший броненосец — союзник и друг» [Чуковский 1965, 679]. Радостно приветствует революцию и «Потемкина» и сам рассказчик.

В порту на Новом молу герой встречает друга, Лазаря Кармена. Здесь находится палатка с убитым на броненосце матросом Григорием Вакулинчуком — одним из активнейших большевиков Черноморского флота. Там же они встречают еще одного знакомого — Бориса Житкова. Именно он указывает рассказчику на бульвар, «верх» города, где выстроились уже солдаты с винтовками. Но герой Чуковского не верит мрачным прогнозам и хочет вернуться в центральную часть города по лестнице. Лестница выступает своеобразной границей между «нижней» и «верхней» Одессой, и теперь по ней наверх никого не пускают. Рассказчик использует подвал со стороны обрыва, чтобы попасть в кафе-ресторан на бульваре: «Из ресторана видны и "Потемкин", и порт, и поэтому ресторан переполнен людьми» [Чуковский 1965, 684]. В ресторане собралась типичная для центральных районов города компания: офицеры, государственные служащие, бизнесмены, наблюдающие за броненосцем с неподвижными и зловещими лицами. В отличие от людей в порту, в их лицах нет радости, они — наблюдатели, не участвующие в революции. Здесь герой с группой людей решает отправиться снова в порт через подвал ресторана и добраться до броненосца.

По возвращении с броненосца Чуковский замечает изменения в праздничной атмосфере порта: «Вместо забастовавших рабочих, видевших в "Потемкине" своего избавителя и жаждавших единения с ним, Новым молом завладели портовые "дикари" и бандиты, которые, очевидно, сбежали сюда с единственной целью — разграбить пакгаузы» [Чуковский 1965, 691]. Беспомощно он наблюдает, как «мещане, пригородная голь, босяки» [Там же, 692] напиваются до потери сознания алкоголем, найденным на складах, и громят порт. При этом эта толпа сходит с ума от радости овладения захваченными товарами, до того спрятанными от нее под замком: один подбрасывает на себя и на других рыжие хлопья турецкого табака, второй обматывается в черный китайский шелк, двое других бросают друг в друга сбитые комья

коринки [Там же, 693]. Такая безумная радость напоминает средневековую карнавальную вакханалию, которая отменяет социальные иерархические законы, запреты и ограничения. В период карнавала можно позволить себе многое, что запрещено в течение года [Bachtin 1990, 48]. Карнавальное время «вседозволенности» охватывает толпу в порту и создает пространство грабежа с карнавальными инверсиями от бедного к богатому, от запрещенного к дозволенному и от контролируемого к бесконтрольному.

Порт становится опасным местом при появлении черносотенцев, профессиональных грабителей и «матерых громил, очевидно только что выпущенных из полицейских участков» [Чуковский 1965, 692]. После превращения событий из революционных в погромные рассказчик чувствует смертельную тоску и покидает порт от вынужденной бездеятельности, обвиняя полицейские власти в содействии погрому и в массовом убийстве безоружных людей. Он возвращается в центр, откуда и наблюдает за пожаром в порту. Таким образом, рассказчик у Чуковского является сторонником революции, который пересекает семантические границы города, сменяя социальные пространства переходом из «верхней» Одессы в «нижнюю» и обратно.

Выводы

Географические, социальные и символические пространства города в рассказе Кармена «Потемкинские дни: разгром “Старого порта”» (1907), в романе Жаботинского «Пятеро» (1936) и в очерке Чуковского «1905, июнь» (1958) во время прибытия броненосца «Князь Потемкин-Таврический» можно однозначно разделить на центр и периферию, «верхнюю» и «нижнюю» Одессу, свою и чужую сферу и на пространства управления и подчинения. Эти пространства пересекаются несколькими семиотическими пограничными линиями, которые являются амбивалентными и подвижными.

Прибытие броненосца изменяет символические пространства порта. Во всех рассмотренных произведениях порт из географического реального места превращается в «опасное»

литературное пространство: с началом пулеметного обстрела с бульвара у Кармена, с атмосферой вседозволенности у Жаботинского и с пьяным безумством у Чуковского. При этом реальная опасность не всегда идентична символической, представленной в произведениях. У Жаботинского «потемкинский день» и погром в порту стал предвестником возрастающего антисемитизма в Одессе, нашедшего свое отражение в октябрьском антиеврейском погроме. У Чуковского опасность связана с безнаказанностью властей. И только у Кармена опасность героя отождествляется с реальной опасностью.

Географическое положение броненосца переносится на символическое и социальное пространство. Таким образом, «Потемкин», как синекдоха, ассоциируется с революцией и «низкой» Одессой у Чуковского, с революцией и новым социальным порядком у Кармена и с несбывшейся надеждой на счастливое будущее для еврейского населения у Жаботинского. «Потемкин» перемещает порт с географической периферии с «низшими» социальными слоями общества в символический центр исторических событий во всех трех произведениях. Атмосфера вседозволенности позволяет порту трансформироваться из подконтрольного центру и «верхней» Одессе пространства в бесконтрольное пространство «нижней» Одессы.

Рассказчик Кармена не покидает периферийной части города, то есть порта, чтобы показать нижний социальный класс города (в порту), бунтующий против высшего класса города (на бульваре). Автор указывает на грядущую перспективу, которая чужда главному герою: восстановление порта, основанное на новом равном социальном порядке как для русских, так и для евреев. Повествование у Жаботинского описывает центральную часть города над обрывом и сосредоточено на прошлом города, в котором еврейское население, способствовавшее развитию Одессы, не имело будущего. Рассказчик Чуковского пересекает разные социальные границы города. Он готов к будущим изменениям, но не упоминает этнических разграничений городских пространств. Все три произведения обнаруживают не только амбивалент-

ность социальных, географических и символических городских пространств в Одессе, но и отличное понимание судьбы евреев в Одессе, а также разные исторические перспективы для них — ассимиляцию для приветствовавших революцию или эмиграцию.

Источники

- Жаботинский 1922 – *Жаботинский В.* Чужбина. Берлин, 1922.
Жаботинский 1989 – *Жаботинский В.* Повесть моих дней. Иерусалим, 1989.
Жаботинский 2008 – *Жаботинский В.* Полное собрание сочинений в девяти томах. Т. 2. Книга 1. Минск, 2008.
Жаботинский 2010 – *Жаботинский В.* Пятеро. Самсон Назорей. Романы. Одесса, 2010. С. 9–167.
Жаботинский 2013 – *Жаботинский В.* Еврейский легион. М., 2013.
Кармен 1907 – *Кармен А.* Потемкинские дни: Разгром «Старого порта». СПб., 1907.
Чуковский 1965 – *Чуковский К.* 1905, июнь // Собрание сочинений в 6-ти томах. Том 2. СПб., 1965. С. 677–697.
Jabotinsky 1966 – *Jabotinsky V.* Memoirs by My Typewriter // The Golden Tradition. Jewish Life and Thought in Eastern Europe. New York; Chicago; San Francisco, 1966. P. 394–401.

Литература

- Иванова 2007 – *Иванова Е.* Письма журналиста Лазаря Кармена Корнею Чуковскому. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.В. Ивановой // Архив еврейской истории. Т. 4. М., 2007. С. 219–247.
Левитина 1991 – *Левитина В.* «И евреи — моя кровь»: русская сцена — еврейская драма. М., 1991.
Лотман 2010 – *Лотман Ю.* Семиосфера. СПб., 2010.
Львов-Рогачевский 1922 – *Львов-Рогачевский В.* Русско-еврейская литература. М., 1922.
Одесские новости 1905 – Одесские новости. № 6791. 20 ноября 1905.
Топоров 2003 – *Топоров В.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003.

Яковлев 1889 – *Яковлев В.* К истории заселения Хаджибея (1789–1795). К столетию завоевания Хаджибея. Одесса, 1889.

Bachtin 1990 – *Bachtin M.* Literatur und Karneval. Zur Romantheorie und Lachkultur. Frankfurt am Main, 1990.

De Certeau 2006 – *De Certeau M.* Praktiken im Raum // Raumtheorie: Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main, 2006. S. 343–353.

Gauß 2009 – *Gauß K.-M.* Die unaufhörliche Wanderung // Odessa Transfer. Frankfurt am Main, 2009. S. 186–197.

Hetenyi 2008 – *Hetenyi Zs.* In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose, 1860–1940. (English translation by Janos Boris). Budapest, 2008.

Samojlov 1998 – *Samojlov F.* Die Bevölkerung Odessas am Ende des 19. Jahrhunderts: nationaler, sozialer und kultureller Aspekt // Odessa: Kapitel aus der Kulturgeschichte / W. Koschmal. Regensburg, 1998. S. 86–95.

Westphal 2011 – *Westphal B.* Foreword // Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies. New York, 2011. P. IX–XV.

Zipperstein 1985 – *Zipperstein S.* The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881. Stanford, 1985.

Odessa City Spaces in Literature: «Potemkin Days» by Karmen, Jabotinsky and Chukovsky

Tetyana Yakovleva

(Regensburg University, Regensburg, Germany)

PhD Student, Research assistant, ORCID ID: 0000-0001-6346-1793, Universität Regensburg, Universitätsstr. 31, 93053 Regensburg, Germany, tel.+49-941-943-1665, E-mail: tetyana.yakovleva@ur.de

Summary: In the revolutionary year 1905, Odessa became an area of violence in the tension of social, religious and cultural upheaval. In this year there were strikes, escalations of revolutionary mood, a fire in the port after the arrival of the battleship «Knjaz’ Potemkin-Tavričeskij» («Potemkin») in the night of June 14-15. Arrival of the rebellious battleship was a significant event not only for the city of Odessa and the Russian revolution, but also for the history of the fate of Jews of the early 20th century. This was the first armed insurrection in the course of the

revolution, which moved Odessa and its social, geographical and semi-otic city spaces. The «Potemkin days» entered the history of the city of Odessa mainly through the periodicals of that time but also through the Russian-Jewish literature such as Lazar Karmen's story «Potemkin Days» (1907), Korney Chukovsky's essay «1905, June» (1958) and Vladimir Jabotinsky's novel «The Five» (1936). These works depict not only the resulting collective violence but also its semiotic and social spaces in the city. Up until now, this field has not been investigated in any historical, cultural or literary research. The focus of this paper is to analyse geographical, social and symbolic city spaces in Odessa with the help of the space theories by Jury Lotman and Michel de Certeau. Both scholars work with the definitions of the city, the place and the space, which are significant for the selected literate works about Odessa in 1905. The analysis will show not only the ambivalence, mobility and variability of city spaces, but also the narrators expectations and thus the fate of Jews in Odessa and the perspectives in the historical processes for them — assimilation or emigration.

Keywords: *Jews, Odessa 1905, Potemkin days*

References:

- Bachtin M. Literatur und Karneval. Zur Romantheorie und Lachkultur. Frankfurt am Main, 1990.
- De Certeau M. Praktiken im Raum // Raumtheorie: Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. Frankfurt am Main, 2006. S. 343–353.
- Gauß K.-M. Die unaufhörliche Wanderung // Odessa Transfer. Frankfurt am Main, 2009. S. 186–197.
- Hetenyi Zs. In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose, 1860–1940. (English translation by Janos Boris). Budapest, 2008.
- Ivanova E. Pisma zhurnalista Lazaria Karmena Korneiu Chukovskomu. Vstupitelnaia statia, podgotovka teksta i kommentarii E.V. Ivanovoi // Arkhiv evreiskoi istorii. T. 4. Moscow, 2007. P. 219–247.
- Levitina V. «I evrei — moia krov»: russkaia stsena — evreiskaia drama. Moscow, 1991.
- Lotman Yu. Semiosfera. St. Petersburg, 2010.
- L'vov-Rogachevskiy V. Russko-evreiskaia literatura. Moscow, 1922.
- Samojlov F. Die Bevölkerung Odessas am Ende des 19. Jahrhunderts: nationaler, sozialer und kultureller Aspekt // Odessa: Kapitel aus der Kulturgeschichte / W. Koschmal. Regensburg, 1998. S. 86–95.

Toporov V. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye trudy*. St. Petersburg, 2003.

Westphal B. Foreword // *Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies*. New York, 2011. P. IX–XV.

Yakovlev V. *K istorii zaseleniia Khadzhibeia (1789–1795). K stoletiju zavoevaniia Khadzhibeia*. Odessa, 1889.

Zipperstein S. *The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794–1881*. Stanford, 1985.